
ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

О ВИДѢНІИ И ВѢРЬ.

Слово Преосвященнаго Никанора, Епископа Смоленскаго, сказанное въ недѣлю о Томѣ 1896 года.

Блаженни не видѣвшіе и вѣровавшіе (Іоан. 20, 29).

При воспоминаніи невѣрія Томина, возникаютъ многія мысли объ основахъ невѣрія, о познаніи вообще и религіозномъ въ особенности. Въ краткомъ церковномъ словѣ, конечно, нѣтъ возможности обнять съ достаточною полнотою всѣхъ относящихся сюда вопросовъ. Поэтому мы сдѣлаемъ нѣкоторую попытку указать сравнительное значеніе видѣнія и вѣры, какъ источныхъ коренныхъ началъ познанія, имѣя въ качествѣ руководительной золотой нити, въ рѣшеніи сего сложнаго вопроса, слово Христово, сказанное Апостолу Томѣ: *блаженны не видѣвшіе и увѣровавшіе*.

Апостоль Томъ на благовѣстіе Апостоловъ о воскресеніи Іисуса Христа говорилъ: не повѣрю, пока не увижу на рукахъ Его ранъ отъ гвоздей... и не вложу руки моей въ ребра Его. Такимъ образомъ, основою невѣрія Тома было то, что онъ полагался на видѣніе и осязаніе, т.-е. на внѣшнія чувства. Это же служитъ основою невѣрія и многихъ современныхъ скептиковъ. И въ этомъ ихъ упованіи на видѣніе, какъ единственно-вѣрный источникъ правильнаго познанія, кроется корень ихъ заблужденія, а вмѣстѣ и великаго несчастія, ибо непреложно слово Божественнаго учителя и

Спасителя нашего: *блаженны не видѣвшіе и увѣровавшіе*, и, слѣдовательно, несчастны не вѣрующіе только потому, что они не видятъ предметовъ вѣры.

Постараемся представить кратко основныя черты процесса познанія, насколько это можетъ быть общедоступно, чтобы видѣть, сколь недостаточно видѣніе и основанное на немъ познаніе вообще, а вмѣстѣ сколь необходима вѣра и пагубно невѣріе.

Начальное дѣйствіе познанія совершается чрезъ чувственное воспріятіе, савершающееся чрезъ пять внѣшнихъ чувствъ и особенно посредствомъ зрѣнія. Но этого рода явленія происходятъ и въ животныхъ и даже отчасти въ предметахъ неодушевленныхъ, отражающихъ въ себѣ звуки (эхо), свѣтъ (солнца, къ которому обращаются растенія), образы (свѣтлая поверхность). Чувственное воспріятіе ограничивается только предметами внѣшними. Поэтому, кто хочетъ ограничиваться только чувственнымъ воспріятіемъ, тотъ останавливается на одной внѣшней матеріальной природѣ, хочетъ быть, такъ сказать, на одномъ уровнѣ съ низшею и животною природою. Но это недостойно человѣка, даже признающаго своимъ родоначальникомъ обезьяну, ибо онъ, все же онъ человѣкъ. *А у человека, какъ существа духовнаго*, кромѣ чувственного воспріятія, есть еще внутреннее духовное чувство, посредствомъ котораго воспринимаются внутреннія движенія души, выражающіяся въ такъ называемыхъ идеяхъ и образахъ внутренняго чувства. Если и внѣшнее воспріятіе совершается по необыкновенно сложнымъ законамъ и формамъ (оптики и акустики, химіи и механики), то еще того искуснѣе, выше и малопостижимѣе законы дѣйствія внутреннихъ чувствъ, какъ источныхъ началъ къ познанію предметовъ и явленій души человѣческой и вообще міра духовнаго, въ особенности же Бога и таинственныхъ дѣлъ Его.

А потому понятно, что если и въ чувственныхъ воспріятіяхъ бываютъ неправильности, ошибки и заблужденія, потому что не у всѣхъ бываютъ хороши глаза, уши, а равно и другіе органы внѣшнихъ чувствъ. Бываютъ даже слѣпые и глухіе. Еще чаще бываютъ люди глухи и слѣпы внутренними чувствами души, вслѣдствіе чего въ области дѣйствія внутреннихъ чувствъ и ихъ воспріятія еще больше можетъ быть всякихъ ошибокъ и заблужденій, нежели въ области внѣшнихъ чувствъ. Отсюда вытекаетъ, что внѣшнія чувства, не только сами по себѣ, но и въ соединеніи съ внутренними, одни крайне недостаточны. Въ особенности же опасно предаваться руководству однихъ чувствъ внутреннихъ, какъ дѣлаютъ самообольщающіеся сектанты — мистики, часто принимающіе движенія собственной своей души за непосредственный голосъ Божій и потому, при невозможности согласовать эти движенія души съ дѣйствительностію и истинною волею Божіею, — впадаютъ въ самыя сумасбродныя ученія.

Вторымъ дѣйствіемъ познанія, послѣ воспріятія внѣшнихъ и внутреннихъ чувствъ, бываетъ мышленіе, органомъ дѣйствія котораго служитъ, такъ называемый, разумъ, умъ. Въ этой области нашего духа совершаются явленія еще болѣе тонкія и потому еще менѣе постигаемыя. Ихъ люди цѣнятъ болѣе, ибо знаютъ, что многіе и весьма многіе не обладаютъ здравымъ умомъ и зрѣлымъ разумомъ, не только въ дѣтствѣ и юности, но даже и въ старости. Отлично извѣстно даже, что и самыя мудрѣйшіе философы и ученые во многомъ заблуждались и явились какъ бы не разумными“.

Еще чаще заблуждаются тѣ современные умники, которые считаютъ себя интеллигентными, ибо они далеки отъ полного совершенства уже по одному тому, что только разумъ считаютъ единственнымъ руководствомъ въ жизни.

Между тѣмъ, душа наша не есть одинъ только разумокъ, а есть вмѣстѣ съ тѣмъ и вмѣстляще сердечныхъ чувствъ, стремленій воли, требованій совѣсти. Забывая и отстраняя все это, интеллигенты являются, такъ сказать, полулюдьми, осколками, жалкими продуктами европейской цивилизаціи, которымъ еще болѣе нежели людямъ доверяющимъ только внѣшнему чувству, должно вседушевно пожелать, чтобы они поняли, что значить: *блаженны не видѣшіе и утрававшіе*.

Рационалисты считаютъ разумъ какъ бы внутреннимъ окомъ, посредствомъ котораго они видятъ все предметы, по существу ихъ. И дѣйствительно, какъ для лучей Редгена доступны невидимые для обычнаго глаза предметы, или посредствомъ астрономическихъ трубъ видимы бывають отдаленныя звѣзды, такъ и для разума, изощреннаго наукою, бывають постижимы многія тайны знанія, но не все и не во всей ихъ полнотѣ. Случается, что и механика астрономическихъ трубъ и фотографическо-химическіе аппараты показываютъ невѣрно. Еще чаще затмѣваются умы людскіе и помрачаются свѣтила мудрости въѣва. Вотъ почему многое-многое отстраняется нынѣ, какъ ложь и заблужденіе, изъ того, чему нѣкогда учили мудрецы и ученые, — какъ по-длинно вѣрному, а люди вѣрили, какъ непереложному. Проходитъ вѣкъ, и сколько смѣняется всякихъ ученій и теорій во всѣхъ областяхъ наукъ?!

Слѣдовательно, и въ разумъ человеческомъ нельзя видѣть послѣдняго и высшаго руководственнаго начала познанія.

Высшее идеальное знаніе должно состоять въ одной только истинѣ, чуждой всякихъ недостатковъ и заблужденій. Но чистое познаніе возможно только въ душѣ чистой, не потемняемой и не загрязняемой никакими предубѣжденіями, пристрастіями и пороками. *Блаженни чистіи сердцемъ, яко*

тии Бога узрять, сказалъ жъ Божественный нашъ учитель Иисусъ Христосъ. (Мѣ. 5, 8). А Богъ есть основная истина всѣхъ истинъ, поему должно думать, что и прочія важнѣйшія истины доступны только людямъ съ чистымъ сердцемъ и съ добрыми стремленіями воли. *Въ злохудожну душу не увидетъ познаніе*, говоритъ древній премудрый (Прем. Слѣд. 1, 4), сколько бы ни было стараній о семъ. (2 Тим. 3, 7).

Такимъ образомъ, для правильности процесса познанія нужно не только то, чтобы весь познавательный механизмъ былъ исправенъ и все въ немъ совершалось правильно, но еще и то, чтобы дѣйствіе его проходило въ гармоніи съ прочими силами души, съ сердечными чувствами удовольствія и любви, со внушеніями совѣсти, наставляющей людей къ добру, и стремленіями воли, желающей блаженства. Что за знаніе, которое стоитъ въ разладѣ съ коренными потребностями жизни сердца и чистой совѣсти, съ насущными стремленіями воли и глухо само внушеніямъ нравственнаго долга?! Такого, отрѣшеннаго отъ всего живаго, такого мертвящаго знанія не должно быть, да и нѣтъ почти, кромѣ только развѣ какъ у тѣхъ несчастныхъ, которые всецѣло исушили свой умъ наукой бесплодной.

Обычный же характеръ познаній на оборотъ полонъ всякаго рода жизненныхъ пристрастій, вытекающихъ изъ личной (субъективной) настроенности (сердечной) и практическихъ стремленій, къ заранѣе намѣченному цѣлямъ, сообразнымъ съ требованіями такъ или иначе направленной личной воли, или такъ называемыхъ традицій воспитанія, родовыхъ, сословныхъ или общаго духа времени, которыя бол. частью весьма не содѣйствуютъ чистому знанію и вѣрному познанію.

Вотъ какой длинный, многосложный и разносторонній путь

познанія, какъ онъ мало надеженъ даже въ самыхъ высшихъ его (инстанціяхъ) проявленіяхъ. Отсюда понятно, сколь ничтожно одно изъ низшихъ явленій этого сложнаго процесса — *видѣніе* и сколь вѣрная и въ то же время широкая и отрадная мысль заключается въ словахъ Господа, сказанныхъ ап. *Томъ*, желавшему обосноваться на самомъ низкомъ основаніи познанія, внѣшнемъ, крайне обманчивомъ чувствѣ: *блаженны не видѣвшіе и увѣровавшіе!*

Такимъ образомъ, блаженство не въ видѣніи и проистекающемъ изъ него слабомъ, обманчивомъ, хотя, по видимому, и рациональномъ, но малодоступномъ, познаніи, а въ вѣрѣ истинной, какъ источномъ началѣ самаго достовѣрнѣйшаго познанія о всѣхъ существенныхъ предметахъ духовной области и въ особенности о предметахъ сверхчувственныхъ, небесныхъ и божественныхъ. Познаніе чрезъ вѣру, вмѣстѣ съ глубочайшимъ успокоеніемъ всѣхъ силъ и стремленій нашего пытливаго духа, даетъ еще особенную радость и блаженство, о которомъ и сказалъ Воскресшій Христосъ въ словахъ: *блаженны не видѣвшіе и увѣровавшіе.*

Но что же такое вѣра сама въ себѣ? Вѣра, какъ довѣріе къ свидѣтельству истины, есть то воспріятіе внутренняго чувства, которое составляетъ одно изъ начальныхъ и коренныхъ источниковъ познанія, а какъ увѣренность въ невидимомъ какъ бы въ видимомъ и въ ожидаемомъ какъ бы въ настоящемъ, есть такое убѣжденіе, которое выше всякаго убѣжденія, составляемаго обычнымъ путемъ познанія и называемаго міросозерцаніемъ. Истинная вѣра есть сила такого убѣжденія, которое способно выдерживать всякое давленіе (мученичество) и даже творить чудеса, которыя и совершали люди великой вѣры, какъ-то: пророки, апостолы и многіе другіе праведники, которые имѣли такую силу вѣры потому,

что въ ихъ вѣрѣ совершалось взаимодействіе двухъ силъ: человеческой души и божественнаго Духа.

Основа вѣры въ богосозданной душѣ, въ ея сердечныхъ чувствахъ и совѣсти, а верхъ ея въ познаніи Бога и таинственномъ соединеніи съ Нимъ. Поэтому, въ началѣ своемъ, вѣра подобна зерну горюшному, а въ раскрытіи она похожа на широколиственное и многоплодное древо, дающее блаженство не только обладателю ея, но и доставляющее счастье всѣмъ желающимъ такъ или иначе пользоваться отъ избытковъ ея. Посему понятно, какъ ошибался ан. Ёма, а равно ошибаются и многіе другіе, не желающіе отдаться руководству вѣры, какъ бы чему то низшему, нежели видѣніе, осязаніе, обоняніе и тому подобныя внѣшнія явленія чувственнаго воспріятія.

И внѣшнее воспріятіе и мышленіе съ разсудкомъ и умомъ могутъ и должны содѣйствовать вѣрѣ, какъ и она долженствуетъ быть и опытною и разумною и жпзненною или живою, т. е. содѣйствующею направленію воли къ добру; но по преимуществу вѣра живетъ и дѣйствуетъ сердечностію и тѣмъ, что называется совѣстію (Римл. 10, 10). Посему, въ комъ сердечность мало развита, а совѣсть слаба, тотъ не скоро можетъ развиваться отъ силы въ силу и въ вѣрѣ. И какъ бывають люди слѣпы и глухи, даже лишены ума, такъ могутъ быть лишены чувства вѣры, которые болѣе жалки и несчастны, нежели обыкновенные слѣпцы и даже глухие люди, ибо они могутъ быть лишены наивысшаго счастья и блаженства, такъ какъ: *иже не имѣтъ вѣры, осужденъ будетъ* (Мр. 16, 16).

Но за что же и быть наказуему тому, у бога въ душѣ нѣтъ вѣры? Да, ему не за что было бы отвѣчать, если бы вѣра была только отъ одного внутренняго человеческого чувства. Но она еще воспріимается отъ другихъ и, что важ-

нѣе всего, отъ Бога и чрезъ Его откровеніе. *Вѣра отъ слуха* (слышанія), *служ же глаголомъ Божиимъ*, говоритъ Апостоль (Римл. 10, 17). Посему теперь никто не можетъ оправдать свое невѣріе, ибо само божественное Слово, а вмѣстѣ и наивышшая Премудрость и Разумъ (Логось), Богъ во плоти явился въ міръ и обитало съ людьми, которые видѣли Его исполненнымъ благодати и истины, и Который многократно являлся имъ по воскресеніи Своемъ изъ мертвыхъ, для увѣренія всѣхъ въ жизни будущей, и даже любопытному невѣроующему ап. Томѣ, желавшему видѣть Его язвы отъ гвоздей и осязать Его ребры, послѣ чего ап. Тома увѣровалъ и воскликнулъ: *Господь мой и Богъ мой*. А потомъ, *по всей землѣ изыде вѣщаніе Апостоловъ, и во всѣ концы глаголы ихъ*.

Да и почему не вѣрить, когда вѣра есть такой же, какъ и другіе, общечеловѣческій естественно-разумный и даже наивышшій способъ познанія сущности всѣхъ предметовъ вообще и въ особенности предметовъ духовныхъ, сверхъ-естественныхъ, небесныхъ, непостижимыхъ для другихъ способовъ познанія? *Мы и то, что въ рукахъ нашихъ, съ трудомъ обрѣтаемъ, а небесное кто изслѣди?* Мы постоянно и вездѣ руководствуемся вѣрою въ обыденной жизни. Вѣримъ матери и отцу, вѣримъ знаемымъ и незнаемымъ, въ правдѣ и во лжи. Вѣрою руководствуется земледѣлецъ, ввергая въ землю дорогое зерно, въ надеждѣ, что оно дастъ пріятный плодъ. Вѣрою къ познаніямъ другихъ руководствуется мореплаватель, стремящійся достигнуть новыхъ городовъ и странъ, обѣщающихъ ему разныя богатства. Вѣрою руководствуется ученый звѣздочетъ, пользуясь наблюденіями предшественниковъ. Не станемъ упазывать безчисленное множество великихъ и святыхъ руководствовавшихся вѣрою и постоянно учившихъ о ней. *Вѣрою ходимъ, а не видимъ*—

емъ, говорить Апостолъ. Мы различно вѣримъ лѣтописцамъ разнаго достоинства. Почему же не вѣровать только Самому Богу и Его откровенію? Ничто не можетъ оправдать религіознаго невѣрія. И, напротивъ, все теперь можетъ служить къ отягченію наказанія невѣрующихъ, особенно изъ числа людей образованныхъ, интеллигентныхъ, ибо *видѣвый волю Господа* и не сотворивый біенъ *будеть много, а невѣдѣвый біенъ будетъ мало.*

Не смущайся, любезный братъ, тѣмъ, что твоя вѣра будетъ сначала мала, какъ зерно горушное. Только вѣруй и молись Господу, глаголя: *вѣрую Господи, помози моему невѣрію*, и спасенъ будешь. Вспомни, сколько разъ Господь говорилъ о вѣрѣ, какъ силѣ спасительной.

Благодарному прокаженному, исцѣленному въ числѣ десяти, Онъ сказалъ: *иди, вѣра твоя спасла тебя.* Тоже сказано было слѣпорожденному, разслабленному и многимъ другимъ. И вотъ наконецъ избранному ученику Своему Ѳомѣ, и чрезъ него и всѣмъ намъ, Онъ изрекъ: *блаженны не видѣвшіе и увѣровавшіе*

Итакъ, всѣ современные скептики, по разнымъ предубѣжденіямъ невѣрящіе, отбросьте всѣ ваши суетные и ложные мнимо-научные принципы, мѣшающіе вамъ вѣрить; послушайте Господа, глаголющаго: *блаженны не видѣвшіе и увѣровавшіе*, и вы вкусите блаженство жизни по вѣрѣ, а вкусивши источника жизни, вы не пожелаете пребывать въ смерти съ холодными знаніями и бесплодными мечтами, чуждыми истинной реальности и радостнаго вѣчнаго бытія и жизни, немислимыхъ въ вѣроу постигаемаго, усты исповѣдуемаго и любовію достигаемаго Бога, — Творца Промыслителя и Спасителя нашего.

Къ кому идемъ? говорили Іисусу Христу Его Апостолы, *глаголы жизни вѣчной имаш!*

Будемъ же, братіе, вседушевно слушать глаголы Того, Который былъ правый путь, полная истина и совершеннѣйшая жизнь (Іоан. 14, 6), и вѣра наша отъ слуха сего Слова будетъ постоянно возражаться, отъ силы въ силу, дастъ должные плоды, и мы вкусимъ то блаженство, о которомъ возвѣстилъ Онъ, Воскресшій изъ мертвыхъ: *блаженны не видѣвшіе и вѣровавшіе*.

Наконецъ, и самое невѣріе можетъ быть особеннымъ побужденіемъ къ вѣрѣ, могущей воспрянуть съ особенною силою и необычайнымъ одушевленіемъ. Невѣрующая душа, истомленная голодомъ и жаждою духовной жизни въ единеніи съ Богомъ, увѣровавъ, можетъ устремиться ко Господу и возраждающей и освящающей жизни по Богѣ со всею мощію своихъ силъ. Не тщетно возвѣщается въ церкви объ ап. Ѡмѣ: *веле невѣріе Ѡмино, вѣрныя утверждающее*. Итакъ, да воскликнетъ каждый ко Христу Воскресшему словами скоровразумленнаго ап. Ѡмы: *Господь мой и Богъ мой Ты еси!* Святой Василій Великій говоритъ: „за что же и стать намъ достойными блаженствъ, какия соблюдаются для насъ подъ условіемъ вѣры въ невидимое, если вѣримъ только тому, что очевидно для разсудка“? А св. Іоаннъ Златоустъ присовокупляетъ: „Кто, видя небеса отверзтыя, Христа грядущаго на облакахъ и все воинство горнихъ силъ вокругъ Него, текущія рѣки огненныя и всѣхъ предстоящихъ Ему съ трепетомъ, не поклонится Ему и не признаетъ Его Богомъ? Но замѣнить-ли вѣру это поклоненіе и признаніе? Нѣтъ. Почему? Потому что это не есть вѣра, а есть слѣдствіе необходимости“.

Поэтому, *блаженны не видѣвшіе и вѣровавшіе* и постоянно вседушевно восклицающіе Христу: *Господь мой и Богъ мой!* Аминь.